

2

П. Б. Перельман остановил свой «форд-эксплорер» на парковочной площадке Тёрнер-бич. Чтобы добраться сюда после первого сигнала Службы спасения, ему понадобилось всего пять минут — его дом на Коконат-драйв находился меньше чем в миле от Тёрнер-бич, — но он почувствовал облегчение, обнаружив, что двое его патрульных, Робинсон и Лару, уже здесь. Робинсон зачищал берег, просил людей вернуться в свои машины, чтобы можно было огородить место преступления полицейской лентой. Лару разговаривал с небольшой группкой людей приблизительно в четверти мили дальше по берегу. Перельман увидел, как полицейский посмотрел в сторону моря, потом повернулся и побежал в прибой, вытащил что-то из воды и аккуратно поставил на песок в месте, недостижимом для волн.

Как любила говорить Дороти Паркер, что это за свежий ад? В сообщении, полученном Перельманом, шла речь только о «нарушениях на берегу». Но он из личного опыта знал: даже в таком сонном местечке, как Санибел и Каптивва, эти три слова могут значить что угодно — от гуляк, прибывших на выходные и пытающихся причалить свои скоростные катера в темноте, до церемоний равноденствия, организованных нудистской колонией Норт-Нэплз.

Перельман направился к берегу через тонкую линию дюнной травы и морского овса. Он прошел мимо Робинсона, который торопливо выпроваживал с берега к парковке два ошеломленных семейства с их одеялами, шезлонгами, кулерами, досками для буги-серфинга и прочим барахлом.

— Лучше вызывайте силы быстрого реагирования, шеф, — прошептал Робинсон, поравнявшись с Перельманом.

— Все?

В ответ Робинсон только кивнул в сторону Лару.

Перельман пошел дальше по берегу, прибавив шагу. Лару, который вернулся было к небольшой группке людей, снова бросился выуживать что-то из воды. Подойдя ближе, Перельман понял, что это что-то вроде кроссовки, сделанной из светло-зеленого материала.

Заметив шефа, Лару остановился. Когда Перельман подошел еще ближе, он увидел, что из кроссовки торчит нога. Обрубок ноги, судя по всему.

Лару молча показал ему на обрубок и поставил находку на песок со словами:

— Привет, шеф.

Перельман не ответил — он глядел вниз. Потом повернулся к своему заместителю.

— Генри, — сказал он, — ты не хочешь ввести меня в курс дела?

Полицейский посмотрел на него с непонятным выражением:

— Мы с Рисом в патрульной машине направлялись на Сильвер-Ки. Не успели мы

доехать до Блайнд-пасса, как я увидел какое-то странное движение здесь, на общественном пляже. Я сообщил об этом, и мы подъехали к...

— Я говорю вот о чем. — Перельман показал на кроссовку.

Лару проследил за его взглядом. Потом беспомощно пожал плечами и махнул рукой куда-то назад.

Начальник полиции посмотрел туда. И увидел на высоте, недоступной прибою, выстроившийся в ряд строй кроссовок. Изю всех торчали обрубки ног. Затем он посмотрел в сторону моря и заметил еще несколько таких же предметов, подпрыгивающих на волнах. Над ними начали с громкими криками кружить чайки.

Теперь Перельман понял, почему его подчиненные так заняты и так ошеломлены и почему, подъехав сюда на своей машине пять минут назад, они сделали обычный вызов без всяких уточнений. Он тоже почувствовал это: неожиданный кошмар, настолько странный и непонятный, что невозможно поверить в него. Он закрыл глаза, сделал глубокий вдох, потом еще один. Затем показал на небольшую группку у дюн:

— Это люди, которые нашли, э-э, первую ногу?

Лару кивнул.

Начальник полиции снова огляделся. У Лару было чутье: пока их ресурсы невелики, лучшее, что они могут сделать, — это вылавливать обрубки из залива и оставлять их повыше, приблизительно против тех мест, где их вынесло на берег.

— Они что-нибудь знают?

— Они мало что могут сказать помимо того, что видим мы сами.

Перельман кивнул:

— Ладно. Хорошая работа. — Он посмотрел в сторону прибою. — Продолжай. Нужно собрать все до единого. И помни: мы имеем дело с человеческими останками.

Лару направился к воде, а начальник полиции вытащил рацию:

— Диспетчер, говорит Перельман.

— Диспетчер. Слушаю, Пи-би.

Значит, это Присцилла дежурит сегодня утром. Он узнал ее пронзительный голос. Ни у кого другого не хватало духу называть его Пи-би. Она не только называла его по инициалам, но и (поскольку он никому не говорил, что стоит за этими инициалами) с удовольствием предавалась предположениям, когда он мог ее слышать. Возможно, она верила, что он, будучи ничуть не похожим на других начальников полиции, выдал ей разрешение быть умной язвой. Как бы там ни было, в его присутствии она перебрала несколько десятков вариантов, включая Привет Балеринам, Постный Бисквит и Пенис Бойкий, но к истине так и не приблизилась.

Перельман откашлялся:

— Присцилла, я объявляю красный уровень тревоги. Поднять всех со значками и оружием.

— Сэр. — Голос Присциллы заметно изменился.

— Я хочу, чтобы оба дежурных лейтенанта и все сержанты перешли в режим высшей степени готовности на тот случай, если нам придется срочно ввести комендантский час. Они знают регламент. Скажи им, пусть действуют без шума, мы не хотим, чтобы туристы впали в панику. Мы немедленно закрываем весь берег

Каптивы и западную береговую линию. Пусть начнут подготовку к возможной эвакуации острова Каптива. И предупреди мэра, если она еще не знает.

— Сэр.

Перельман говорил быстро. Его речь словно ускорялась с каждой секундой. Тем временем Лару выудил еще четыре или пять кроссовок. По грубой оценке, их было уже двадцать пять, а к берегу плыли новые и новые. Полицейский начал отгонять чаек, которые пытались ухватить обрубки. Робинсон выпроводил последних охотников за ракушками и загорающих и теперь натягивал ленту в тех местах, где можно было пройти на берег.

— Мне нужен первый пропускной пункт на материковой стороне Санибельского моста и второй — с моста Блайнд-пасс. Второй — чтобы пропускать только постоянных жителей и арендаторов Каптивы. Известить офис коронера по району Двадцать один, пусть приезжают сюда, на Тёрнер-бич, для работы с большим количеством человеческих останков.

— Сэр, — в третий раз сказала Присцилла.

— Свяжись с командованием береговой охраны в Форт-Майерсе. Скажи им, пусть срочно вышлют катер. Мне кажется, их катер «Помпано» временно причален на Стейшн-Кортес. Пусть командование немедленно свяжется со мной. Наложить временное ограничение на полеты над Каптивой — исключение только для нужд чрезвычайной операции. И никаких вертолетов прессы. Все ясно?

Короткая пауза, в течение которой Перельман слышал царапанье ручки по бумаге.

— Принято.

— Хорошо. Дальше. Когда острова будут заблокированы и пропускные пункты установлены, весь свободный персонал ко мне сюда, к Блайнд-пасс. Перельман закончил.

Он отключил рацию и посмотрел в сторону Лару. Тот двигался быстро, как мог, вылавливая обувь из воды, но чаек собиралось все больше, они кричали и кружили, имея численное превосходство над Лару. Перельман отстраненно чувствовал, какая невероятно странная складывается ситуация, но вопреки этому его внимание сосредоточилось на том, чтобы держать ее под контролем. Двадцать пять кроссовок, двадцать пять обрубков ног, выброшенных на берег, и, судя по всему, прилив должен был принести еще. Легче было бы свалить их все вместе, но Перельман знал, что каждая мелкая деталь будет иметь значение и все кроссовки должны оставаться как можно ближе к тому месту, куда их вынесло.

Он достал из кармана служебную камеру и сделал ряд фотографий и коротких видеозаписей с места преступления, включая общий вид берега. Потом посмотрел на свидетелей, которые теперь находились за лентой, — небольшая группа людей, похожих на призраков. Ему очень хотелось допросить их — хотя он и сомневался, что они могут сказать что-то полезное, — но в настоящий момент его задача состояла в том, чтобы стабилизировать и защитить место преступления до прибытия подкрепления.

Стая чаек все увеличивалась, воздух наполнился их громкими криками. Перельман увидел, как одна чайка села рядом с кроссовкой.

— Генри! Стреляй в чаек!

— Что?

— Стреляй в чаек.

— Их слишком много, я не могу прицельно...

— Стреляй в их направлении! Отпугни их!

Лару расстегнул кобуру, вытащил свой «глок» и выстрелил в сторону моря. Огромное облако кричащих чаек поднялось в небо, включая и ту, которая чуть было не схватила кроссовку. Перельман посмотрел вдоль берега, и ему стало нехорошо оттого, что он увидел вдали: на волнах переваливались все новые кроссовки. Вероятно, придется обнести весь западный берег полицейской лентой и закрыть туда доступ как к месту преступления.

И теперь он заметил, что за гребнем дюны, на некотором расстоянии друг от друга, начали появляться фигуры. Они не пытались приблизиться, просто стояли не двигаясь, как часовые. Новые зеваки. Сердце у него упало. Это были не туристы; это были местные жители. Люди, чьи дома располагались на Каптивва-драйв, чей берег был осквернен этим неожиданным и страшным приливом. Оглядывая их одного за другим, начальник полиции понял, что не меньше половины из них он знает по именам.

«Да, смерть склюет нас всех... Вот горы — мертвый камень...»³

Вдруг возник переполох: крики, ругань, затем яростный лай. Перельман оглянулся, временно выбитый из колеи неуправляемым событием, и увидел медного цвета пятно — собаку с кроссовкой в пасти, ирландского сеттера по кличке Слиго, который пробежал мимо него на северо-восток, к заповеднику.

«Ну что за сукин сын!»

— Слиго! — прокричал он. — Слиго, назад!

Но собака неслась прочь от них. Убегала, держа в пасти вещественное доказательство. Если Слиго доберется до заповедника, они, вероятно, никогда больше не увидят эту улику.

— Слиго!

Бесполезно: собака возбудилась, видя активность на берегу, и у нее обострился охотничий инстинкт, она больше не слушалась приказаний.

— Слиго!

«Сохраняй цепочку улик», — прокричала ему в уши его профессиональная подготовка. «В любой ситуации относись уважительно к человеческим останкам». Конечная ответственность лежала на нем как на начальнике полиции.

Перельман достал служебный пистолет.

— Что вы делаете? — раздался крик из рядов наблюдателей.

— Нет! Не надо! — завопил кто-то.

Перельман прицелился, сделал долгий дрожащий вдох, задержал его и, когда собака уже готова была исчезнуть в кустах, нажал на спусковой крючок.

Собака, не произведя ни звука, перевернулась и приземлилась на спину, кроссовка выпала у нее из пасти. Прошло страшное мгновение, и по рядам наблюдателей наверху дюны прокатилось что-то похожее на стон.

— О господи, — сказал кто-то прерывающимся голосом. — Он застрелил собаку!

Перельман убрал пистолет в кобуру. «Проклятье!»

У него за спиной прозвучало еще несколько выстрелов: Лару отгонял чаек,

успевая при этом подбирать новые кроссовки. К нему на помощь рысцой спешил Робинсон. Перельман услышал шум вертолета и треск двигателя катера, приближающегося по воде.

— Эй, вы, мистер! — раздался громкий негодующий голос.

Перельман повернулся к наблюдателям.

— Вы застрелили собаку! — Женщина лет пятидесяти обвиняющим жестом указывала на него пальцем.

Он не узнал ее — возможно, это была приезжая.

Начальник полиции ничего ей не ответил.

Женщина шагнула вперед, подошла вплотную к ленте:

— Как вы могли? Как вы могли это сделать?

— Я не мог позволить ему убежать с уликой.

— С уликой? С *уликой*? — Женщина показала рукой в сторону берега. — Разве вам еще не достаточно улик?

Неожиданно что-то — то ли презрительный жест, с каким женщина показывала на комки плоти, лежащие тут и там на песке, то ли абсурдность ее замечания — заставило Перельмана горько рассмеяться.

— А теперь вы считаете, что это смешно! — воскликнула женщина. — Что скажет хозяин собаки?

— Это ничуть не смешно, — ответил Перельман. — Вчера у этого пса был день рождения.

— Вы знали эту собаку! — Женщина в ярости топнула ногой. — Вы знали собаку... и все равно пристрелили ее!

— Конечно, я ее знал, — ответил начальник полиции. — Это была моя собака.

---

³ Строки из стихотворения американского поэта Робинсона Джефферса «Мудрецы в часы несчастья». Перевод Ю. Головневой.